

УДК 821.161.1 – 2.09 ”19”

Е.А. Гулич

**ПРОЗА Л.Я. ГУРЕВИЧ В КОНТЕКСТЕ БЕЛЛЕТРИСТИКИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Проблема многослойности литературы не раз привлекала внимание исследователей. Так, в начале 1990-х гг. И.А. Гурвич писал, что «гении (и созданные ими шедевры несоизмеримы, <...> Зато соизмеримы беллетристы, и когда говорят, что в конце XIX в. писали лучше, чем в его начале, то апеллируют к различиям на уровне «среднего» литератора, к сочинениям, представляющим не индивидуальность пишущего, а сформировавшуюся, укрепившуюся писательскую установку. Оценивая сделанное Пушкиным и Толстым, отвечают на вопрос, что может гений; сравнивая Боборыкина и На режного, отвечают на вопрос, что может литература – что ей было вчера и что сегодня по плечу» [2, с. 142]. Эта мысль, по своему ёмко и образно, высказывалась еще В.Г. Белинским, полагавшим, что литература не может быть обращена только к образованному читателю, ей нужны и «обыкновенные таланты», которые пишут для большинства. Позднее Д.С. Лихачев справедливо говорил о том, что «прогресс – не в талантах и гениях, а именно в средних возможностях, в совершенствовании их» [6, с. 50]. Время расставило свои акценты: произведения одних писателей вышли далеко за пределы классики XIX века, а наследие других так и осталось историко-литературным фактом. К числу этих писателей, несомненно, принадлежит и Л.Я. Гуревич, беллетрист, литературный и театральный критик, издательница «Северного вестника».

Исследователи полагают, что беллетристика может быть не только развлекательной, но и серьезной, содержательно насыщенной, выполнять важные для развития культуры функции. Так, например, Ж.В. Фёдорова отмечает, что беллетристика «всегда стремится отозваться на литературно-общественные проблемы своего времени и поэтому значима не только как часть словесности, но и для

понимания истории общественной и культурной жизни прошлых эпох» [10]. Познавательную функцию беллетристики в свое время выделял еще М.Е. Салтыков-Щедрин, отмечая, что любое литературное произведение представляет собой документ, на основе которого можно восстановить характерные черты эпохи. Сегодня к этому слою литературы относят ряд произведений, «не обладающих художественной масштабностью и ярко выраженной оригинальностью, но в которых обсуждаются проблемы своей страны и эпохи, а также отвечающие духовным и интеллектуальным запросам общества» [10]. Конец XIX в. – период расцвета и подъема беллетристики. Это было связано с несколькими факторами. «Реализм поставил во главу угла критерий жизненности, прямое слово о действительности, а это не могло не повысить роль беллетристики, которая писала с натуры, откликалась на злобу дня, отражала окружающее» [2, с. 121]. Но, наряду со стремлением писателей «поспеть» за бегущим днем, быть «зачастую впереди не по значению, а по счету времени», существовала и иная причина «оперативности» письма: постоянная нехватка денежных средств – именно это заставляло многих беллетристов «выдавать продукцию», вследствие чего желание активно отражать события и проблемы текущего дня сливалось со скорописью, и приводило к утрате художественности написанного. Причины скорописи Л.Я. Гуревич напрямую были связаны с ее издательской деятельностью. Так, например, известно, что роман «Плоскогорье» писался в спешке, под диктовку, для заполнения беллетристического отдела «Северного вестника». Это, на наш взгляд, стало основной причиной непродуманности композиции романа, преобладании монтажных сцеплений и пр. Критики справедливо отмечали несовпадение «оперативности и художественности» в произведениях большинства беллетристов. И это стало характерной чертой беллетристики данного периода.

В творчестве Л.Я. Гуревич разрабатывались различные жанры: эскиз, рассказы, повести, драма и роман. Если рассматривать ее произведения в хронологии создания, то в начале литературного пути очевидна устремленность автора к малым жанрам: эскиз «Шурочка» (1893), повесть «Поручение» (1893), рассказ «Странная история»

(1894). Малая проза раннего периода творчества Л.Я. Гуревич, на наш взгляд, была своего рода апробированием идей, замыслов перед созданием романа, который был для нее главной вершиной. Это отличный способ для молодой писательницы отточить стиль, лаконичность, четкость изображаемых картин. Позже, в романе «Плоскогорье», Л.Я. Гуревич часто использовала опыт ранних рассказов в портретных характеристиках главных и второстепенных героев, в наличии лирических отступлений, в использовании автором вставных конструкций и т.д.

После издания романа Л.Я. Гуревич вновь возвращается к малым жанрам, пишет рассказы «Тоска» (1897), «Седок» (1900), «Рассеянность» (1901), «Без борьбы» (1901), «У рулетки» (1902), «Брат» (1907) и повести «В снега» (1902), «К солнцу» (1907), драму «Смена» (1907). Обращение Л.Я. Гуревич к малым жанрам выражало и общую закономерность развития беллетристической литературы конца XIX–начала XX вв. Преобладание «малых» форм объяснялось значительным сужением сферы влияния традиционно преобладавшей в русской классической литературе романной формы. В этот период критики во весь голос заговорили о «кризисе» и «затухании» романа. М. Неведомский (М.П. Миклашевский) писал: «Есть один чисто внешний, на мой взгляд, очень красноречивый факт, свидетельствующий об утрате прежней ясности жизнеощущений у наших художников. В эпоху реализма царят огромные итоги жизни в форме эпопей Толстого, Достоевского, Тургенева. /.../ эпоха критического народничества уже не знает романа и дает очерки Успенского, Гаршина, Короленко. С тех пор в нашем искусстве царит, именно эта форма. Только очерки пишут и современные наши “художники”» [7, с. 533]. Отмечаемое перемещение малых жанровых форм из периферии в центр, по мнению Ю.Н. Тынянова, было закономерным, так как «в эпоху разложения какого-нибудь жанра он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин wpłyває в центр новое явление» [9, с. 170].

На самом деле, по мнению большинства современных литературоведов, никакого вырождения большой эпической формы в русской

литературе конца XIX века не было. В.И. Каминский полагает, что происходила ее перестройка, «ведущая к углублению и расширению эпического начала на основе дальнейшей демократизации реализма. Эпические тенденции утверждаются в рассказе и очерке, способствуя усилению их идейно-эстетического потенциала. Намечается расширение качественного диапазона в воспроизведении важнейших конфликтов времени» [4, с. 87]. Беллетристы этого периода наряду с малой прозой использовали и крупную форму – роман. Как говорил И.А. Гончаров, «Жанр романа используется не только художниками, создающими “произведения творческого искусства”, но и не художники избирают эту форму, доступную массе публики, чтоб провести удобнее ... разные вопросы дня или свои любимые задачи: политические, социальные, экономические» [цит. по 2, с. 122]. По сути, здесь речь идет о беллетристике, которая во второй половине века была важным фактором литературного развития.

Если проанализировать библиографию популярных беллетристов конца XIX в. А.В. Амфитеатрова, К.С. Баранцевича, П.Д. Боборыкина, Е.П. Летковой, А.А. Лугового, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Вас.И. Немировича-Данченко, И.Н. Потапенко, А.К. Шеллер-Михайлова и др., то становится очевидным их обращение к разным жанрам. Исследуя поэтику произведений И.Н. Потапенко, Е.Я. Поддубная пришла к выводу о том, что «присущее одному (излишняя детализация, описательная характеристика героев, авторская оценка лежит на поверхности) нетрудно обнаружить у многих; индивидуально-замысловатый портрет воспринимается как собирательный» [8]. Следовательно, экстенсивность, фактографический уклон – все, в чем упрекали современные критики Л.Я. Гуревич, – нельзя отнести к индивидуальными просчетам писательницы, поскольку эти признаки являлись «сквозными» чертами «беллетристической романистики» этого периода.

Стереотипность является доминирующей чертой беллетристики в целом. Своей поэтикой и содержанием ориентированная на удовлетворение вкуса определенной категории читателей, беллетристика представляет собой результат «инструментального использования

приемов, отработанных на предшествующих этапах литературного творчества» [5, с. 205]. В этом случае читатель имеет дело с «продуктом, изготовленным по принципу серийного производства» [5, с. 205]. По мнению О.М. Крижовецкой, такого рода литературу отличает «стереотипность, схематичность основных сюжетных ходов, шаблонность героев, тиражируемость приемов, примитивизм экспрессивной поэтической техники. Но за этой стереотипностью и схематизмом как раз и скрываются базовые характеристики классической литературы, обычно не замечаемые исследователями» [5, с. 207]. Весте с тем, в беллетристике отрабатываются темы и образы, нашедшие свое воплощение в классической литературе, однако обращенные к иной читательские аудитории.

В творчестве Л.Я. Гуревич отразились общественные веяния эпохи, ее проблемы, задачи, нравственные искания. Но ее произведения – не натуралистическая копия действительности, а передача мироощущений, созданная на основе личных впечатлений и наиболее выразительных жизненных фактов. Темы ее рассказов просты, тривиальны, но искренние и передают непосредственные наблюдения и переживания автора. Широкую публику, которую в это время не интересовала постановка больших задач, устраивала такая подача материала. З. Гиппиус в статье «Журнальная беллетристика» с сарказмом писала: «...а что, в общем, прекрасная у нас литература. Редки теперь вещи, которые требовали бы вдумчивого, серьезного и глубокого критического труда» [1, с. 372]. Для нее ориентированность на массового читателя была неприемлема.

Критика рубежа веков в целом выражала обеспокоенность по поводу поверхностного освещения серьезных проблем текущей литературой. Указывалось, что писатели откликаются на явления русской жизни, описывают их, но ни одному автору не удавалось отразить сложную русскую жизнь. К.К. Арсеньев писал: «Жалобы на бедность современной русской беллетристики давно впали в обычай» [цит. по 2, с. 119]. Писатели оказались, в некоторой степени, бессильными в объяснении огромных социальных и идеологических изменений, которые происходили в жизни русского общества.

Критики самых различных взглядов сходились на едином мнении о противоречиях в жизни и литературе. В поддержку беллетристов цитировали суждение А.М. Скабичевского: «Жизнь наша до такой степени осложнилась, перепуталась, а главное дело, вышла из своей колеи, что разобраться в этом хаосе не в состоянии была бы никакая литература, хотя бы она состояла сплошь из одних Шекспиров» [цит. по 2, с. 121].

Основной характер умонастроений художественной литературы этого периода проявлялся в особом внимании к духовным поискам человека в новой исторической обстановке. Создавая рассказ «Седок» (1900), Л.Я. Гуревич все же попыталась переосмыслить связь между историческим движением общества и развитием личности в этом движении. Но это была лишь скромная, не вполне удачная попытка писательницы.

В России появились новые социальные слои, что предвещало появление новых действующих лиц в рассказах, очерках, повестях, романах. Это новые российские предприниматели в сфере промышленности и транспорта, чиновничество, «верх» и «низ» интеллигенции. Герои произведений Л.Я. Гуревич – простой мужик («Седок»), интеллигент Карамышев («В снега»), писатель Воткевич («У рулетки»), служащий Красиков («Скандал»), мелкий чиновник А. Тропинин («Плоскогорье»). Основная тематика русской беллетристики последней четверти XIX в. – «маленький» человек, его страдания, лишения, несправедливость современной русской жизни. Беллетристы старались изображать героя, подавленного бедствиями обыденного существования. Подтверждение этому находим в семантике заглавий той поры: сборник «Незаметные» у В.И. Немировича-Данченко, «Ничтожные мира сего» – у Т.Л. Щепкиной-Куперник, роман «Не герой» – у И.Н. Потапенко, «Одинокий», «Тусклая жизнь» – у К.С. Баранцевича, роман Л.Я. Гуревич поначалу был назван «Неудачники». В конце XIX в. беллетристика выбрала своим героем «не героя». И.И. Ясинский создает образ безвольного чиновника, подвластного течению жизни; И.Н. Потапенко о своем герое писал: «ему хотелось великого дела, а силы были маленькие, не в то русло направил их движение» [цит. по 8, с. 6]. «Моя жизнь

протекла очень монотонно», – замечает герой одноактной пьесы К.С. Баранцевича «Белый жук». Андрей Тропинин, главный герой романа Л.Я. Гуревич «Плоскогорье», в одном из последних эпизодов романа восклицает: «Все задавила, все иссушила мелкая жизненная борьба» [3, с. 232]. Используя, как и И.И. Ясинский, И.Н. Потапенко, принцип обусловленности характера средой, Л.Я. Гуревич создала образ героя своего времени, который все свои силы растратил на мелкую борьбу с жизненными обстоятельствами, а проблемы эпохи ушли далеко на второй план. На наш взгляд, сама постановка проблемы поиска положительного героя в эпоху «безвременья» составляет сильную сторону творчества писателя и делает ее социально и исторически значимой.

И.А. Гурвич писал, что «беллетрист не притязает на крупное обобщение, ему довольно характерности «местного» масштаба» [2, с. 124]. На наш взгляд, именно такая задача ставилась Л.Я. Гуревич. Достоинства или недостатки ее произведений лучше и вернее видны в контексте беллетристической литературы той поры.

Литература

1. Гиппиус З.Н. Журнальная беллетристика / З.Н. Гиппиус // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Русская книга, 2003. – Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899-1916. – 528 с.
2. Гурвич И.А. Русская беллетристика: Эволюция, поэтика, функции / И.А. Гурвич // Вопросы литературы. – № 5. – М.: Известия, 1990. – С. 113-143.
3. Гуревич Л.Я. Плоскогорье / Л.Я. Гуревич // Северный вестник. – СПб., 1897. – № 4. – С. 189-234.
4. Каминский В.И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX века / В.И. Каминский. – Л.: Наука, 1979. – 197 с.
5. Крижовецкая О.М. Современная беллетристика: дискурс и нарратив / О.М. Крижовецкая // Критика и семантика. – Вып. 13. – Новосибирск–М., 2009. – С. 204-212.
6. Лихачёв Д.С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы / Д.С. Лихачёв // О прогрессе в литературе. – Л., 1977. – С. 50-77.

7. Неведомский М. Наша художественная литература предреволюционной эпохи / М. Неведомский // Общественное движение в России в начале XX века: в 3 т.; [под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова]. – СПб., 1909. Т. 1. – С. 483-537.
8. Поддубная Е.Я. Творчество И.Н. Потапенко и основные закономерности «массовой» литературы: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.01.01 / Е.Я. Поддубная. – Л., 1979. – 16 с.
9. Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Ю.Н. Тынянов // Литературная эволюция: избранные труды. – М.: Аграф, 2002. – С. 167-171.
7. 10. Фёдорова Ж.В. Массовая литература в России XIX в.: художественный и социальный аспекты [Электронный ресурс] / Ж.В. Фёдорова // Русская и сопоставительная филология. – Казанский Государственный Университет, 1995–2003.– Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/fil/kn2/index.php?sod=41>

Анотація

О.О. Гулич. Проза Л.Я. Гуревич в контексті белетристики кінця XIX– початку XX ст.

Метою представленої статті було виділити «наскрізні риси» розвитку белетристики порубіжного періоду у творах Л.Я. Гуревич. Аналіз прози письменниці у літературному контексті доби підтвердив наявність загальних закономірностей розвитку російської белетристики, а саме: стереотипність, схематичність основних сюжетних ходів, зайва деталізація, описова характеристика героїв, їх шаблонність, тиражованість прийомів, поверхнева авторська оцінка, примітивізм експресивної поетичної техніки, орієнтованість на задоволення смаку певної категорії читачів. Основна тематика російської белетристики останньої чверті XIX ст. – «маленька» людина, але, на відміну від класиків, белетристи, в тому числі і Л.Я. Гуревич, не претендували на великі узагальнення, а зверталися до духовних пошуків своїх героїв. Белетристика цього періоду вибрала своїм героєм «не героя», що відбилося на семантиці назв творів. На наш погляд, сама постановка проблеми духовного пошуку героя в епоху «позачасся» склала сильну сторону творчості Л.Я. Гуревич і зробила її соціально та історично значимою.

Ключові слова: белетристика, літературний контекст, духовні пошуки, семантика, поетика, стереотипність.

Аннотация

Е.А. Гулич. Проза Л.Я. Гуревич в контексте беллетристики конца XIX– начала XX вв.

Целью представленной статьи было выделить «сквозные черты» развития беллетристики порубежного периода в произведениях Л.Я. Гуревич. Анализ прозы писательницы в литературном контексте эпохи подтвердил наличие общих закономерностей развития русской беллетристики, а именно: стереотипность, схематичность основных сюжетных ходов, излишняя детализация, описательная характеристика героев, их шаблонность, тиражируемость приемов, поверхностная авторская оценка, примитивизм экспрессивной поэтической техники, ориентированность на удовлетворение вкуса определенной категории читателей. Основная тематика русской беллетристики последней четверти XIX в. – «маленький» человек, но, в отличие от классиков, беллетристы, в том числе и Л.Я. Гуревич, не притязали на крупные обобщения, а обращались к духовным поискам своих героев. Беллетристика этого периода выбрала своим героем «не героя», что отразилось на семантике заглавий произведений. На наш взгляд, сама постановка проблемы духовного поиска героя в эпоху «безвременья» составила сильную сторону творчества Л.Я. Гуревич и сделала ее социально и исторически значимой.

Ключевые слова: беллетристика, литературный контекст, духовные поиски, семантика, поэтика, стереотипность.

Summary

E.A. Gulich. The Prose of L.Y. Gurevich in the Context of the Fiction of the end of the XIX–beginning of the XX centuries

The purpose of the present article was to highlight the «through features» of the fiction's progress in the period of «timelessness» in the works of L.Y. Gurevich. The analysis of the writer's prose in the literary context of the era has confirmed the presence of the general laws of the development of Russian fiction, namely: the stereotype nature, schematic basic plot turns, excessive detailed elaboration, descriptive characteristics of the characters, open author's evaluation, primitivism of expressive poetic technique, focus on satisfaction the taste of a certain category of readers. The main theme of Russian fiction of the last quarter of the XIX century was «a small man», but, unlike the classics, the fiction writers, including L.Y. Gurevich, didn't claim to large generalizations, but they addressed to spiritual quest of their characters. Fiction of that period chose its

hero «not the hero», which was reflected in the semantics of the titles of the fiction works. In our view, the very formulation of the problem of the spiritual quest of the hero in the era of «timelessness» was a strong creative side of L.Y. Gurevich and made her creative heritage socially and historically significant.

Keywords: fiction, literary context, spiritual quest, semantics, poetics, stereotype.

Інформація про автора

Гулич Олена Олександрівна – ORCID: 0000-0002-3846-1916; викладач кафедри теорії та практики англійської мови Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна